

АНДРЭ
НОРТОН

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я

АНДРЭ
НОРТОН

МАГИЯ
ЛАВАНДОВОЙ
ЗЕЛЕНИ

МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н82

Andre Norton
LAVENDER-GREEN MAGIC
Copyright © 1974 by Andre Norton

RED HART MAGIC
Copyright © 1976 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США)
при участии агентства Александра Корженевского (Россия)

Оформление серии *А. Саукова*

Нортон, Андрэ.

Н82 Магия лавандовой зелени : [роман] / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. О. Колесникова, Д. Арсеньева]. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с.

ISBN 978-5-699-81561-6

Все лучшие книги, относящиеся к жанру «фэнтези», построены в форме сказочных историй, одинаково интересных и детям, и взрослым.

Входящие в этот том произведения Андрэ Нортон, одной из звезд мировой фантастики, тоже очень похожи на сказку, немного страшную, немного смешную и очень симпатичную.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © Колесников О., перевод на русский язык, 2015
- © Арсеньев Д., перевод на русский язык, 2015
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81561-6

МАГИЯ
ЛАВАНДОВОЙ
ЗЕЛЕНИ

Димсдейл

Дождь бил в стекла автобуса так часто, что невозможно было что-то увидеть. А ветер такой сильный, что от его порывов весь большой автобус трясся.

Внутри окна запотели. И было душно. Пахло бананами, которые ел маленький мальчик, сидевший перед Холли, пахло мокрой одеждой тех, кто вошел на последних остановках. И просто пахло людьми.

Холли тошнило, но она не позволяла себе распусться. Только маленьких детей рвет в пути. Она держала рот плотно закрытым и все время глотала, глотала. Крепко прижимала руки к животу и мрачно смотрела на мир.

Легко мрачно хмуриться: все вокруг такое ненавистное. Не только буря снаружи, но и сам автобус, в котором они едут, все в мире — сам мир разлетелся на части, и нет больше ничего счастливого, безопасного, такого, каким должно быть. Она снова глотнула. Нет, ее не вырвет, и она не будет плакать, как делает Джуди — плачет, казалось, целые дни, недели, месяцы.

Крок — Крокетт Уэйд — старался что-то разглядеть в запотевшее окно, нетерпеливо вытирая

стекло, которое почти сразу снова запотевало. Но вот он снова откинулся на спинку и посмотрел на свою сестру Холли.

— Что с тобой? — спросил он.

Она толкнула его локтем в ребра, ударившись при этом рукой о разделявшую их ручку сиденья.

— Ничего! — Она предупреждающе показала назад, туда, где сидели мама и Джуди. — Совсем ничего.

Он смотрел на нее; потом, по-видимому, понял.

— Конечно, — сказал он тише. — Остановка Сассекс уже близко.

Холли не знала, кого он пытается подбодрить: ее или себя. И в тот момент ей было все равно. Важно было только сдержаться. Холли Уэйд не ребенок!

Потом она услышала сзади мамин голос, но не повернула голову, боясь, что та поймет, что она чувствует. У мамы хватает своих забот, она не должна беспокоиться о девочке, которая учится уже в шестом классе и способна сама о себе позаботиться.

— Следующая остановка, Холли, Крок. Хоть бы дождь немного стих.

И неожиданно Холли захотелось, чтобы следующей остановки не было, как ни плохо она себя чувствует; хотелось ехать дальше, потому что если они выйдут, они приедут. И не домой — приедут к незнакомым людям, в место, в котором придется остаться, нравится им это или нет.

С тех пор как пришла телеграмма...

Холли крепко закрыла глаза. Она не будет плакать. Но забыть о телеграмме не смогла. Ма-

ма... мама, держа ее в руках, села так быстро, как будто боялась распечатать. А когда распечатала... нет, Холли не хочет вспоминать, как выглядела мама, когда читала ее.

«Сержант Джоэл Уэйд пропал в ходе боевых действий» — вот что было в этой телеграмме. Мама съежилась на стуле, словно внутри ее поселились «несчастья», как говорит старая тетя Ада. Потом она снова распрямилась, и начались звонки в Красный Крест и к тем, кто может хоть что-нибудь знать. Но никто ничего не знал.

Наконец мама сказала, что им придется составить план. Она снова начнет работать медсестрой, и ей предложили место в санатории «Пайн Маунт». Но это не в Бостоне, где они жили с тех пор, как папа отправился во Вьетнам, а в сельской местности на севере штата.

Вопрос, который был у всех в сознании, зада-ла Джуди:

— Мы будем жить там с тобой, мама? — Мама улыбалась. Она как будто хотела дать им понять, что получить работу — это очень хорошо, этому надо радоваться. И не перестала улыбаться, когда покачала головой и сообщила остальную часть этого ужасного, ненавистного плана.

— Нет, это место только для престарелых, Банни. (Банни — так шутливо называл Джуди папа, потому что она родилась в Пасху, и он говорил, что Банни, должно быть, забыл свою корзиночку с яйцами и принес вместе нее Джуди)¹.

¹ Традиционный пасхальный персонаж — кролик Банни, который приносит крашеные яйца. — *Прим. перев.*

— Тогда... тогда куда же поедет мы? — спросил Крок. А Холли просто стояла, и ужасный холод внутри заставлял ее чувствовать, будто сейчас зима и она на улице без одежды.

— Вы будете жить с дедушкой и бабушкой Уэйдами в Сассексе. Это близко к «Пайн Маунт», и я смогу в свободные дни приезжать к вам.

— Нет! — взорвалась Холли. Теперь ей было уже все равно. — Нет...

Мама не улыбалась, когда посмотрела на Холли, на лице у нее появилось странное выражение, какое всегда бывает, если она сильно разочарована. Но Холли, испытывавшей странный холод внутри, даже это было все равно. Она... мама должна быть здесь, с ними! Если уедет — может тоже «пропасть».

— Да, Холли, — продолжала мама. — Для всех нас это лучший план. У меня будет хорошая работа, в «Пайн Маунт» трудно найти хорошую медицинскую сестру. Для молодых девушек, которые в свободное время хотят повеселиться, там слишком тихо и спокойно. Но платят там больше, чем в городе. Я знаю, что вам будет хорошо у дедушки и бабушки. Они так рады вашему приезду.

Холли хотела снова сказать «нет», но не посмела. Она проглотила это «нет», как глотала комок в горле. Все произошло так быстро. Они сдали дом Эландам (Уэйды даже не взяли мебель, только одежду и некоторые вещи, вроде коллекции марок Крока, коробку с кукольными платьями Джуди и любимые книги самой Холли). И теперь они в пути — почти уже добрались —

в ненавистное место, а дождь плачет и ветер воет, как отчаянно хочется плакать и выть Холли.

Она даже не может вспомнить, как выглядят дедушка и бабушка. Пока папа не уехал во Вьетнам, Уэйды всегда жили вблизи армейских лагерей, а эти лагеря слишком далеко от Сассекса, чтобы поехать туда в гости. Папа сказал, что дедушка и бабушка не привыкли к поездкам. Как раз в прошлое лето он хотел отвезти семью в Сассекс. Но его отправили за море, и они так и не поехали. И теперь Холли могла только вспомнить снимок, который показывал ей папа, — снимок двух незнакомых людей.

Дедушка никогда им не писал. Но бабушка присылала письма почти еженедельно. Крупным почерком на разлинованной бумаге, похожей на школьную доску. Она не писала много, только что шьет лоскутное одеяло, или готовит консервы, или еще что-нибудь такое же.

На Рождество бабушка и дедушка всегда присылали посылку с очень странными вещами. Например, набор кукольной посуды для Джуди, причем посуда вся из дерева, или маленькую-маленькую корзиночку, которая, как сказала мама, изготовлена из скорлупы ореха. Для Крока были солдатика и вырезанная из дерева собака. А сама она в прошлом году получила сумку, сшитую из ярких лоскутков. Сумка показалась Холли глупой, и она попыталась ее спрятать. Но мама заставила взять ее в школу. И все девочки в классе захотели узнать, где она ее взяла, и вообще оказалось, что это все-таки очень хороший подарок. Мама получила много маленьких бутылочек, заполненных

сухими листьями и цветочными лепестками. Некоторые она использовала, когда готовила, а другие — чтобы одежда хорошо пахла.

И все это были не такие подарки, какие Холли видела в магазинах Бостона. Она была уверена, что Сассекс — совсем особое место. И она не хочет там жить!

Автобус тормозил. Холли очень хотелось, чтобы это была не их остановка. Но когда мир вокруг тебя распадается, желания ничего тебе не дадут. Когда мама предупредила их, девочка накинула дождевик; теперь она застегнула его, набросила на голову пластиковый капюшон и крепко связала его под подбородком.

Когда они выходили, порыв ветра ударил с такой силой, что все едва не задохнулись. Как можно быстрее побежали к входу в магазин, возле которого остановился автобус. К счастью, не пришлось тащить с собой багаж (мама заранее отослала его), но Холли показалось, что кто-то вылил ей чашку воды на спину, а вторую — спереди, и теперь вода текла ей в туфли.

— Входите. — Увидев их, женщина открыла дверь магазина и теперь качала головой; седые волосы развевались, и она стала похожа на одуванчик, готовый разбросать семена.

Женщина была чуть пониже мамы, в свитере. А всю ее одежду прикрывал большой белый передник. Как только они вошли, женщина захлопнула дверь и покачала головой, так что ее белые волосы разлетелись еще сильнее. Она посмотрела на улицу, где с ревом отходил автобус.

— В такой день и утки утонут, — объяви-

ла она, поворачиваясь и глядя на них так, словно они и есть утки. — Да вы совсем промокли, а пробежали немного... Нет, мэм, — обратилась она к маме, которая оставалась у двери и знаками показывала Джуди и Кроку, чтобы они тоже не отходили, — даже не думайте об этих нескольких каплях. В такой день каждый, кто ни зайдет, приносит целое озерце. И ваши несколько брызг ничего не меняют.

Женщина скрылась за столбом, на котором висело несколько щеток с длинными ручками, две связки сушеного лука и календарь, и появилась со шваброй. Она принялась энергично подтирать пол, по которому из-под двери бежали ручейки.

Работая, женщина говорила:

— Так чем могу вам помочь? Вас кто-то должен встретить? Или хотите, чтобы Джим Бакус отвез вас на такси? Не думаю, что это получится. Сегодня у Джима много вызовов — видите?

Держа швабру в одной руке, другой женщина указала на настенный телефон. Рядом была прикреплена полоска бумаги, сплошь исписанная словами и числами.

— Все, ну просто все вызывают Джима, и он сам давно не звонил. Так что вряд ли скоро вернется.

Холли разглядывала магазин. Эта забитая вещами комната совсем не похожа на тот супермаркет, куда она ходила по поручениям мамы. Но тут лежит, висит, стоит, навалено горами несчетное количество предметов. Так что невозможно сказать, то ли это бакалейный магазин:

на полках банки консервов, упаковки продуктов, маленькие, со стеклянной крышкой, баночки с мясом и сыром, с бобами и картошкой, — то ли что-то совершенно другое. Потому что по другую сторону на вешалках ряды платьев; они свисают так уныло, словно жалеют, что оказались здесь; дальше стол с грудой фланелевых рубашек; ряд обуви (не красивые туфельки, как у нее — это подарок на последний день рождения, а грубые резиновые сапоги, в каждый из которых она или по крайней мере Джуди может поместить обе ноги). На полках сбоку ткани. А в маленьком ящике булавки и молнии, как в портняжной мастерской.

К тому же множество запахов. Некоторые, как запахи сыра и кофе, Холли узнавала. А в глубине помещения стояло что-то вроде клетки с надписью над квадратным окошком: «Почта США»!

В большой комнате было тепло после ледяного дождя, но не душно и не влажно, как в автобусе. Женщина последний раз взмахнула шваброй, снова спрятала ее и повторила:

— Вам нужен Джим, мэм?

— Я думаю, нас встретит мой свекор. Мистер Уэйд. Мистер Лютер Уэйд... — Мама улыбалась своей вежливой — «для компании» — улыбкой, но Холли чувствовала, что что-то не так. Мама выглядела как обычно. На ней красный блестящий дождевик, который купил ей папа (он сказал, что от него в серые дни будет веселей), и красные туфли, как у Холли. Она сняла капюшон, и ее черные волосы снова стали красивыми. Мама красивая, с гладкой коричневой кожей и красивой прической. Женщина в парикмахерской называ-

ла такую прическу «модифицированным афро». Холли вздохнула. Наверно, пройдет немало лет, прежде чем она тоже сможет носить такую прическу.

Нет, мама выглядит хорошо. И Крок — на нем хорошие брюки и теплое полупальто. И Джуди — Джуди, с ямочками на щеках, тщательно причесанная, — в коричневом пальто и в туфлях. А на самой Холли желтый плащ, и она тоже аккуратно причесана. У всех у них, как говорил папа, «правильная и привлекательная внешность».

— Так вы родственники старого Лютера! — говорила женщина. — Нам было ужасно жаль, когда мы узнали, что его сын пропал. Я ведь еще не представилась? Меня зовут Пигот, миссис Марта Пигот. Джетро, мой покойный муж, унаследовал этот эмпориум (так называли магазин пятьдесят лет назад) от своего отца. А когда Джетро умер, мне пришлось его вести. Для женщины тут очень много работы.

— Я Перл Уэйд. — У мамы, как всегда, улыбка теплая и дружелюбная. — Это Холли, она наша старшая.

Холли с трудом улыбнулась, зная, что мама ждет от нее хороших манер. И набралась откуда-то сил, чтобы сказать «Здравствуйте», как всегда учила ее мама.

— Крокетт, — кивнула мама в сторону Крока. И он последовал примеру Холли, — и Джуди, они близнецы.

Она всегда объясняла это, потому что, думала Холли, они совсем не похожи друг на друга. Крок высокий, на целый дюйм выше Холли,